

ГУЦАЛОВ Александр Анатольевич

кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник
отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности
Южного филиала Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева,
Краснодар, Россия

Alexander A. GUTSALOV

Cand. Sci. (History of Philosophy), Leading Researcher,
Department for Heritage Studies and Expert Activities, Southern Branch,
Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage,
Krasnodar, Russia
gutsalov_alex@mail.ru

**Вновь обретенное бесстрашие:
уроки повести в стихах
А. И. Солженицына «Дороженька»
(1947–1953)**

Анализируя содержание уникальной автобиографической поэмы (повести в стихах) А. И. Солженицына «Дороженька», автор статьи обращается к истории создания этого произведения. Поставлен вопрос о состоянии и уровне критики художественных достижений выдающегося писателя. В статье обосновывается подход, позволяющий актуализировать для современного читателя заключенную в поэме «Дороженька» достаточно понятную жизненную философию. Автор предлагает рассматривать произведения Солженицына как вынесенный вовне образ общественного сознания и сознания каждого из нас. Выявленное в статье единство гражданской и художественной позиции А. И. Солженицына можно трактовать и как своеобразный романтический порыв и как мудрое, вполне устойчивое обретение бесстрашия перед лицом испытаний жизнью – путем, который называют историей страны и государства.

Ключевые слова: Солженицын, поэма «Дороженька», лагерная тема, тема войны, артиллерийская разведка, память, страдание, концепция человека и государства, власть, сознание исторической справедливости.

**Newfound Courage: Lessons
of “The Trail” (1947–1953),
the Novel in Verse
by A. I. Solzhenitsyn**

The article presents information about the conditions of so-called “Civil War captives” in the northern camps in Arkhangelsk province. The author relies primarily on the analysis of the archival documents. The filtration camps for the White Guard prisoners, concentration camps, in which were sentenced to various types of punishment, including “forced labor”, were considered. They mainly contained local residents, as well as the participants in military operations and people from the south of European Russia sent to the Arkhangelsk province, who were found guilty of other forms of anti-Bolshevik activity. Information about the repressions in the Arkhangelsk province in 1920-1921 against the former White Guards was widely represented in emigrant sources. The situation of prisoners was monstrous, humiliating physical work was supplemented by poor food and material support, epidemic diseases raged, mass executions took place.

Keywords: Russian Civil war, prisoners of war of the Southern Front, captives, whiteguard officers, filtration camps, forced labor camps, Extraordinary Commission, Arkhangelsk province, Kholmogory camp.

Среди знаковых произведений Солженицына особо выделяется повесть в стихах (поэма) «Дороженька» как уникальный пример творчества в условиях, исключающих саму возможность творить, – в условиях тюремных лагерей. Первоначально, при публикации главы «Прусские ночи» (1974), произведение было названо поэмой; в 1976 г., дав еще один отрывок в «Вестник Русского Христианского Движения», автор поменял жанровое обозначение на «стихотворную повесть» [4, с. 391]. В публикации 1976 г. указано: «из стихотворной повести “Шоссе Энтузиастов”» [5, с. 148]. Таким образом, в период написания (с 1947 по 1953 гг.) и еще почти четверть века заглавие произведения («Шоссе энтузиастов») символично соотносилось с тем, как в советское время переименовали дорогу, до 1919 г. называвшуюся Владимирским шоссе. По Владимирке с XVI в. гнали арестантов в Сибирь и на Урал [6, с. 393]. Поэма в ходе сочинения в основном фиксировалась по памяти: иногда автор записывал до двадцати строк на листках бумаги, которые после запоминания уничтожались. Для проговаривания частей поэмы наизусть кто-то «из западных пареньков» [4, с. 391], «литовец», по словам самого Александра Исаевича [2], подарил ему четки из ста хлебных катышков. Длинная нитка «бусин» постоянно путалась, поэтому автор смастерил другие четки, поменьше, из двадцати кусочков пробки, где десятый и двадцатый номер были разного размера для удобства запоминания. «Всего А. С. вынес из лагеря в памяти 12 тыс. строк. Больше половины, около 7 тыс. строк, пришлось на “Дороженьку”» [4, с. 392].

Первые поэма была записана полностью лишь в ауле Кок-Терек Джамбульской области Казахской ССР, где ссыльный после выхода из лагеря работал учителем сельской школы. Последовательность глав была переименована. Так, первой стала часть «Зарождение», написанная не позднее сентября 1950 г., в которой есть приметы Экибастузского каторжного лагеря [4, с. 393], куда автор попал в августе 1950 г. В конце декабря 1953 г., перед отъездом в раковую клинику в Ташкент, он закопал рукопись на огороде; в 1959 г. перепечатал текст на машинке. Но рукописный экземпляр пришлось сжечь в сентябре 1965 г.,

после ареста сотрудниками КГБ части солженицынского архива. Только машинописная копия, хранившаяся у друзей, уцелела и стала основой для последующих публикаций. Полностью текст «Дороженьки» вошел в сборник «Протеревши глаза» (1999) [8] и позже в 18-й том Собрания сочинений (в 2018 г. издан 28-й том этого тридцатитомника) [9]. Повесть в стихах печаталась и отдельно по главам в разных изданиях. Например, вводные части, начиная с «Зарождения» были опубликованы в России в нескольких номерах газеты Труд-7 (1999, 2–8 апр.). Уникальную аудиовersion «Дороженьки» озвучил сам автор, но вышла она в 2010 г., через два года после его смерти.

Поэма состоит из 11 глав, включая послесловие. Читать ее непросто для тех, кто привык педантично следовать норме современного литературного языка, которая, заметим, сильно отличается от русского языка даже XVIII века, не говоря о более древних временах. Однако «расширяющие» языковые метаморфозы не могут показаться неприемлемыми, поскольку язык стихотворной повести понятен и органичен.

Сюжет описывает во временной последовательности события жизни автора (1930–40-е гг.), включая арест и конвоирование его в Москву из Германии. Арестовали Солженицына на передовой, прямо на командном пункте.

Напомним об основных вехах его воинской службы. В армейские ряды Солженицын был призван 18 октября 1941 г. По окончании 3-го Ленинградского артиллерийского училища, в годы войны эвакуированного в Кострому, зачислен в запасной артиллерийский разведывательный полк (г. Саранск), с марта 1943 г. участвовал в боевых действиях на Центральном, Брянском и 2-м Белорусском фронтах. Дошел с боями до Восточной Пруссии. Служил командиром 2-й батареи звуковой разведки 794-го отдельного армейского разведывательного артиллерийского дивизиона 44-й пушечной артиллерийской бригады 63-й армии. С весны 1944 г. – командир батареи звуковой разведки 68-й Севско-Речицкой пушечной артиллерийской бригады 48-й армии; 7 мая 1944 г. ему присвоено звание капитан.

Его профилем была артиллерийская разведка и, по его собственному признанию,

такие специалисты были крайне редки: на целую армию по два человека. Они постоянно находились на передовой линии фронта, уставшая, зачастую под шквалом прицельного огня, специальные приборы, снимавшие акустические показания местности – большей частью во время артобстрела противником наших позиций. Приборы с записями доставлялись обратно для последующей расшифровки. Так составлялась карта артиллерийских и иных значимых огневых точек, чтобы накрыть противника прицельным огнем нашей авиации или артиллерии. Значительно повышая эффективность ответных ударов по противнику, разведчики сохраняли жизни тысячам наших бойцов. За работу в разведке Солженицын награжден орденами Отечественной войны второй степени (10 авг. 1943 г.), Красной Звезды (8 июля 1944 г.). Храбрый боевой офицер ежедневно испытывал риск быть убитым. Он научился справляться с животным страхом за свою жизнь, который владеет в той или иной мере каждым из нас. Обретенному бесстрашию предстояло сыграть особую роль в его жизни.

Человек, понимающий, что в любой момент жизни может быть убит, обретает отрезвляющую ясность сознания – то, что не позволяет отворачиваться от несуразностей и перекосов в жизни и политическом строе страны. Понимая, что лавина мыслей останется не высказана, погребена вместе с ним, заставляло в письмах с фронта фиксировать соображения по поводу всего, что творилось в стране в те сложные времена и вообще после революции. Он записывал рискованные вещи, понимая, что есть цензура и сильна вероятность быть арестованным, но пробужденный ум не хотел молчать, хотел пробуждать других. Это угрожало и безопасности адресатов его посланий. Не решаясь строго судить, все же учтем: есть разделительная черта между теми, кто молчит ради собственной безопасности, и теми, кто готов отдать на заклятие свою жизнь, – но не молчать. Борьба с несправедливыми общественными порядками, с ошибочными правилами, менять сознание людей. История показывает, что, в конце концов, побеждают отнюдь не те, с чьего молчаливого согласия творятся чудовищные несправедливости.

Не случайно именно молчание становится одним из своеобразных, но главных действующих лиц в очень богатой на образы повести «Дороженька».

Нам не дано узнать, отчего одни произведения, далекие от литературного совершенства, зачастую «корявые», неудобные для чтения, оказываются центром притяжения всеобщего внимания, а другие – казалось бы, выверенные, хорошо сделанные, даже проникновенные, тонут в лавине информационного потока. Стихотворная повесть Солженицына относится к произведениям первого типа. В ней есть особая пассионарная сила и послание для будущих поколений.

Так было и с философско-религиозными взглядами Льва Николаевича Толстого, и с открытиями краснодарских ученых-изобретателей Семена Давидовича и Валентины Хрисанфовны Кирлиан, и с поэтическим и исполнительским творчеством Владимира Семеновича Высоцкого, и с философскими и литературными работами Михаила Константиновича Петрова, Эвальда Васильевича Ильенкова... Как и произведения Александра Исаевича Солженицына, они не вписывались в канву мировоззренческих штампов, ставили неудобные вопросы. Сомневающимся всегда много, если не большинство, но немногим удается бесстрашно преодолеть опасения за свое благополучие и свой социальный статус. Нам всем нужно учиться внутреннему мужеству великих людей.

Отвержение «неудобных мыслителей» зачастую вызвано неспособностью осознать фундаментальность поднятых ими проблем, желанием отвлечь внимание от злободневных вопросов. И это неизбежно порождает негативные антикультурные явления в обществе. Вот читаем новость из Гусь-Хрустального: вандалы разбили мемориальную доску Солженицыну через сутки после ее установки 11 декабря 2018 г.: «Строгая пластина “льда” из закаленного стекла с портретом писателя и черным бисером его почерка восстановлению не подлежит» [1]. К столетнему юбилею вышел объемный (520 стр.) сборник статей с одиозным названием: «Книга, обманувшая мир. Об “Архипелаге ГУЛАГ” А. Солженицына – начистоту», в аннотации к которому говорит-

ся о неприятии содержащегося в данном произведении «огромного количества грубейших концептуальных и фактологических натяжек, способствующих созданию крайне негативного образа нашей страны» [3]. Досадно, что в критическом запале авторы и составители сборника прошли мимо фундаментальных вопросов, поставленных Солженицыным, несправедливо обвинив его в трусости, нечестности, в русофобстве, в преднамеренном оправдании власовцев и коллаборационистов. Без решения этих вопросов мы не сможем избежать опасности подмены понятий *народ, страна, нация* понятиями *правительство, политический строй, идеология*, что позволит записывать в стан врагов народа любых несогласных с политикой руководящих структур. Не выглядит продуктивной и подмена оценок творчества оценкой личных качеств автора. По этому критерию вообще можно забыть о внимании к литературе и публицистике, так как ни один автор в жизни не столь идеален, как то высокое, о чем пишет. Да и в самом требовании честности есть некоторое лукавство: автор «Архипелага ГУЛАГ» честно придерживался того объема данных устной истории, которым располагал; странно обвинять его в незнакомстве с архивами, которые были ему недоступны, а стали открытыми для публичного использования через несколько десятилетий после выхода книги.

Солженицын, хотим мы это признать или не хотим, – характерная фигура эпохи, яркий представитель своего народа с характерными историческими особенностями его сознания. Сейчас, когда в государственную культурную политику вовлечены вопросы историко-культурного брендинга, вызванные необходимостью усилить внимание к истории, культуре, к ее многочисленным феноменам, Солженицын может быть позиционирован в качестве одного из значимых культурных брендов, во всяком случае, Юга России, где он родился, вырос, получил среднее и высшее образование. Но для этого нужно не негативизировать образ писателя, а отдать должное тому, что делает его произведения великими.

Солженицыну удалось вызволить из тьмы недопонимания вопросы, которые ставят каждого из нас и ужаснуться, и глубоко

задуматься. Тут на первом плане не публицистика об истории нашей страны, а образ нашего с вами сознания с характерным его повреждением, которое привело к многочисленным жертвам. В этом-то смысле случаи вандализма, неумной и неумной критики – сигнал обществу о том, что проблема не решена. Дай волю подобным проявлениям негативизма, – начнется новый этап ГУЛАГов и обвинений в предательстве родины всех, кто замечает искажение сознания и восстает против ярлыкоподобных выводов.

Солженицын пытается нам открыть нас самих для себя же самих, заставить задуматься о характере изломанного и искаженного сознания, вынести вовне образ нашего общественного и личного сознания, поставить его штампы, стереотипы, ошибки, несурезицы лицом к лицу с фундаментальными вопросами мировосприятия. «*Но и в цепях должны свершить мы сами / Тот круг, что боги очертили нам!*» [9, с. 10]. Это как зеркало, глядя в которое мы получаем отрезвление нашего сознания, видим воочию наши же несовершенства. Не он, а мы сами через призму его творчества и его вопрошания и отчаяния должны быть целью всестороннего совестливого анализа. Цель изучения любого произведения и биографии автора – самопознание, а не познание автора как «внешнего», «другого». Задача при этом – лучше разобраться в себе, в мотивах своих поступков и действий, измениться к лучшему. Для этого творчество Солженицына дает богатую основу.

Описания мира в поэме «Дороженька» сродни фотографическим картинкам, быстрым слепкам меняющегося ряда впечатлений, чаще всего без оценок, без прикрас, без ярлыков и ханжеского обличения. Все схвачено так, как было, – и светлое, вера в справедливость, и срывы в пучину мести (отъем имущества немцев в качестве трофеев, отвратительные сцены изнасилования женщин). Но в свете мыслей лирического героя (alter ego автора) жестокость означает как проявление искаженного сознания. И это структурно важная деталь в демонстрации общего затмения разума. Коль скоро люди позволили быть такой власти и таким порядкам, отчего же насилию не вылиться и из них самих?

Отчего, будучи в лагере, Солженицын писал о том, что произошло до ареста, а не стремился описывать то, что проходило ежедневно перед глазами, сейчас в лагере? Он пытался погрузиться в прошлое и за множеством диалогов, обрывков фраз, портретов, дописанных, недописанных, как бы брошенных на полпути, уловить некогда выскользнувшую из рук «нить Ариадны», чтобы выйти из ада обезумевшего сознания к свету.

Такие, как Солженицын, для власти были важнее и значимее, чем даже победа над врагом. Именно поэтому она выдергивала их пачками с передовой, отвлекая на поимку, конвоирование, допросы, перлюстрацию писем и слежку массу средств, столь нужных для победы на фронте. Своим самосохранением власть была обеспокоена гораздо более, чем сохранением народа. Вот почему такие личности, как Солженицын, зачислялись в ранг первостепенно опасных: они посмели иметь свое мнение, задуматься о сути происшедшего со страной. С нечеловеческим жестокосердием реагируя на любые проблески свободомыслия, власть гасила их на корню. Но ведь и сам народ – кто равнодушием, кто трусостью, кто малодушием, кто умышленно, кто бессознательно – вовлекся в это самоуничтожение и делал все своими же руками. Подобные вопросы, которые то и дело возникают сами собой в результате вдумчивого чтения, касаются не только конкретной эпохи, не Советской власти. Тут речь о том что, породив некую власть, люди сами же и страдают от ее всемогущества (попробуй только выразить недовольство и несогласие с ней!). Отчуждение друг от друга приобрело ужасающие размеры, люди перестают воспринимать друг друга по-братски, по-товарищески: «Товарищ, верьте, я... – Я не товарищ вам!» [9, с. 45].

Солженицын смог преодолеть свой личный ропот и обиду в ответ на страдания, осознав их необходимой составляющей процесса «катарсиса» души (его собственное определение). Но важно не только это. Путь страданий, выпавший на долю русского народа в первую мировую, затем в лихолетье гражданской и после, в 20-е, 30-е, 40-е, – это как удары молотом, как своеобразные «дзен-приемы» высше-

го сознания для приведения в чувство, дабы вернуть человеку цельное мировосприятие, вывести его из некоего морока, помутнения сознания, которое заставляет – ради призрачных идей, никогда не исполнимых, – ненавидеть, грабить, убивать, предавать друг друга. Постановка такого рода вопросов, вызволение размышлений на эти темы в свете каждодневной опасности смерти естественны. Автор через себя, через свое сердце пропустил эти болезненные разряды отрезвления.

В интервью для документального фильма (реж. А. Пищулин) есть такое признание Солженицына: «Видите ли, тот народ, среди которого я рос молодым, вообще был дореволюционным. Он вообще знал цену всему, что произошло после революции. Это был один народ. А потом пошел другой народ ... который после Второй мировой войны начал думать, вот это есть наше настоящее, наша великая держава, вот это наше счастье, мы, наконец, идем прямо к светлому коммунизму. Это другой народ. И третий народ, который сегодня ополоумел, нет, не народ, тысячи людей из народа, которые потеряли нравственные ориентиры, ищет только обогащения и как устроиться в жизни. Это страшный вихрь. Это совершенно новое явление психическое. Какое из них преодолет другое, это покажет время, может быть, после меня» [2].

С самого начала своей поэмы Солженицын вопрошает в недоумении: и как же это стало возможно? «Где и когда это началось? / Друг мой издавний, – когда? / Чистое стёклышко мира ребячьего, / Грозно дохнув, замутила беда?» [9, с. 12]. Народ оказался раздробленным, сломленным, лишенным единства.

*Знаменья страхов потусторонних, –
Мы проходили вчужде, мимо,
Скрывши лицо в ладонях.
Слабым, хотелось нам просто
Забуть их,
Лад своей жизни оберегая,
Дом свой, уют свой, вещи, – <...>
Так и теперь, когда стонами
Наша душа пролилась, –
Те, кого это не тронуло,
Думают ли о нас? ...
Не слышать, имея уши,
Не видеть, глаза имея, –*

*Коровьего равнодушья
Что в тебе, Русь, страшнее?* [9, с. 12].

Одно за другим следуют красноречивые подтверждения расколотости, порождающей чудовищные несоответствия. Солженицын мастерски использует метод контраста.

*Берег в брызгах. Чёрно дышат трубы.
Грязь на пристанях. И дождь – безугомонь.
Шутки грузчиков и ругань дерзко грубы,
Но и труд их стоит этой ругани* [9, с. 20].

И тут вдруг новый дзен-удар:
*Обогнали Англию в лебёдках, кранах,
планах, –
Так откуда ж этих дьяволов-то рваных?!*
[9, с. 19].

Дальше просто потрясающий своей силой «контрастный душ» образов:

*Райпартпрос, Райком и Райкомол,
Райуполминзаг и Райзаготконтора.
И районный юродивый, полугол,
Смуглогрудый, клянчит у забора.
Чаю мне! – продрог на сумрачной воде <...>.
Раймилиция. Райплан. И РайНКВД.
Мокнет «Правда» на витринке <...>.
Райтюрьма, Райсуд и Райпрокуратура,
Райсоцстрах, Райздрав и Райсобес.
Там, где дети горя и отваги,
Бурлаки под бичевой тянулись в напряге, –
Закрывая полки голые, в Раймаге
Продают физическую карту ... Африки*
[9, с. 19].

Что же нас, людей одного народа, одной страны, одной истории, одной культуры и языка так изменило, что мы стали ненавидеть только за то, что у кого-то больше на одну корову или лошадь («*Да кого ж она, земля, не богатит, / Если только вкалывать здоров? / Государство! Что ему претит, / Если у крестьян да по три пары лошадей?*» [9, с. 21]), отбирать все и отправлять таких «богачей» («*А они меня – ша-расть / В кулака!*») куда-нибудь в глухую тайгу на верную смерть: «*В тундру высадили голыми да босыми, / Ну, а в тундре и волкам не рай. / Рыбу пальцами словить сумеешь – ешь. / Ягоду найдёшь дикую собирай. / Хочешь если, так друг дружку режь. / Хочешь – помирай...*» [9, с. 20].

Какова сцена смертной казни через повешение, на которое обрекли бойца Николаева за его мнимую измену! «*Может, помощи искал вокруг себя, / Когда стал он медленно кружиться, / Поворот за поворотом обходя, – / Словно бы искал он дружеские лица / И отвёртывался, не найдя*» [9, с. 82]. Казнь, подробно выписанная секунда за секундой, – прием, особо остро подчеркивающий малодушие, молчаливое согласие всех ее свидетелей. Убивают своих же собственных солдат на передовой – за то, что не проявили те где-то больше сноровки, где-то больше храбрости, где-то отчаянного безрассудства. Потом, уже и в мирной жизни, люди также продолжали молча соглашаться с несправедливостью. Народ молчал и молчит. Молчание – «язык страха», символ и знак уничтожения народного самосознания – вырастает в главную тему. Оно еще долго после нелепой казни паренька мучает лирического героя поэмы: «*Николаев! Почему не крикнешь?!? / Почему – молчишь?..*» [9, с. 82]. По сравнению с ужасом извращенного сознания превращается в ничто даже весь «ад плацдарменной ночи»: гром обстрела на передовой, когда голову не поднять от града снарядов, откуда тебя вызывают в штаб – и ты вначале недоволен, потом отдыхаешь, выбравшись из зоны прицельного огня противника, но в штабе слышишь лишь крик, осуждение, угрозы, приказы и становишься очевидцем нелепых казней своих же солдат, доставленных с передовой.

При лицемерности высоких достижений, за которые заплачена чрезмерная цена (рабочий материал – издержки, не имеющие ценности), человек – ничто. Тех, кто сопротивляется такому порядку, выдавливают в стан изгоев, врагов. Бездумье и забвение, каким образом все было сделано и добыто, – ради этого была революция?

*Люди серые с лопатами, кирками
Горы облепили муравьями. <...>
Это будет чудо Третьей Пятилетки –
Перемычка Волжского Узла <...>
Что за люди там кишат в лохмотьях?
Что за люди бьют вручную скалы,
Катят тачки в гору по тропинкам? –
Сам, как глина, побуреет человек <...>*

*Ладно, греемся; не трогают – и рады.
Вот они, кто там кирками машут! –
Только нескольких и рассмотрели мы.
Кто они? ... За что их? ... Не расскажут...*
[9, с. 23–24].

И тут неожиданно следует очередной дзен-удар мастера Солженицына:

*И Андрей в сомненьи
Протянул: «А что, сейчас бы к Самому
Молодой, второй явись бы Ленин, –
Он бы – не попал в тюрьму?..»* [9, с. 25].

Прием противопоставления выбивает почву из-под ног у людей, привыкших к стереотипам. Откуда же эта черта характера взялась у Солженицына? Только ли отрезвляющий военный опыт смог пробудить все это в нем? Ответ находим в самой «Дороженьке»: характер был заложен в раннем детстве – в семье простых людей, которые трудились не ради власти и славы, а ради самой жизни.

Его мама, дед, тетка родом из южных пределов России. «Пока в Москве на дыбе рвали сухожилья, / Сгоняли в Петербург Империи служить, – / Здесь люди русские всего лишь только – жили, / Сюда бежали русские всего лишь только – жить. / Здесь можно было жатвы ждать, посеяв» [9, с. 40]. Семья была религиозная («Тётя водила тогда меня в церковь / И толковала Евангелие»), память о храбрости убитого в 1918 году отца приходилось хранить тайно («В землю зарыт офицерский Георгий / Папин, и Анна с мечами» [9, с. 39]. Саша все же стал, как и все другие дети, пионером («В бой за всемирный Октябрь!» – в восторге / Мы у костров пионерских кричали...»). И из начал судьбы запомнил неизменное присутствие «органов»: «Чего ж ещё хочу? Какое мне начало? / Каких ещё корней ищу в моей судьбе? / Я мальчик был – ЧК мне небо заслоняла, / В солдата вырос я, она – в НКГБ» [9, с. 43]. НКГБ в данной повести – зловещий символ разъединения людей с расколотым сознанием, которое позволяет грабить, наущничать, предавать, лжесвидетельствовать, убивать. Тут невольно возникает ощущение фантазмагии из преисподней, зловещей игры по правилам иного, не нашего мира, где совершается «жертвоприношенья каким-то злым, неведомым богам» [9, с. 64].

Как видел из тюремной «шарашки» прошлое своей семьи, своей страны и своего народа Солженицын, так и на собственную жизнь писателя разные исследователи посмотрят под разными углами зрения, порой сурово и хмуро оценивая каждый шаг, порой недоброжелательно осуждая. Но осуждение, которое есть в «Дороженьке» Солженицына, никогда не было для автора главным. В годы написания стихотворной повести ему совсем чуть-чуть оставалось до больничной койки и тяжелой операции, он вновь взглянул в лицо смерти, от которой отделяли, по словам врачей, две-три недели. Но смерть отступила, как и тюрьма, как и клеймо предателя родины.

Он вовсе не предавал, а любил Россию всем сердцем и не понимал искренне, что же с ней такое ужасное происходит: люди вот так ни за что друг друга готовы предавать и травить, лицемерить, уничтожать, грабить, с наслаждением презирать? Все его произведения – это боль, изливающаяся через край переполненного ею сердца. Любовь к Родине, к первозданному, цельному чистому и светлому проходит лейтмотивом через все творчество как исцеляющий поток. В этом потоке совесть и правда, сознание и понимание, трезвый взгляд на все происходящее.

*Мы сошлись на том, что здесь, за эту
землю,
Как-то и не жалко умереть.
То весенним дождиком омыта,
То теплом безудержным облита,
Не обсеяна, – травинками тянулася
к благодати,
Колыхая радостную боль в солдате*
[9, с. 83].

Именно любовь не дает уклониться от ответственного отношения к стране: «Я – историк. Я хочу – понять <...> / Если б только рассчитаться мне с самим собой: / Этот путь у Революции – один? неумолимо? / Или был – другой?..» [9, с. 135].

Александр Исаевич поднял фундаментальные вопросы общественного сознания и его институтов как вынесенных вовне его образов. Но только не с режимом он боролся.

Если бы это было так и только так, то он был бы, без сомнения, смел, но как мыслитель не высок духом. Обличая «советские» перекосы сознания, он обличал и «перекосы в сознании» правителей предшествующих веков, а приехав в Америку, – искажения демократических ценностей в заокеанском обществе, хотя и был благодарен ему за теплое гостеприимство и радушие. Он и там быстро стал неудобен властям. С возвращением в посткоммунистическую Россию, на волне отказа от советского строя, он стал не апологетом, а критиком новых властей. Ратовал за простых людей – трудовой слой, озабоченный не борьбой за власть и расширение территорий, а простыми ценностями жизни в единстве с природой, в ладу с собой и со своими соплеменниками.

Он любил соотечественников, считая, что «повреждение сознания» пройдет, наступит постепенное оздоровление. Солженицын был романтиком. Вернуть цельный образ человеку, вернуть любовь без всякой ненависти, добро без всякой злобы, истину без всякой лжи – красная линия всех его устремлений. Его творчество – это картина того, как чувствует себя сознание, не утратившее инстинкт цельности, вопреки тому, что его всячески пытаются деформировать, исказить. Связанность рабством нельзя считать нормальным состоянием. Цепь «дзен-ударов» судьбы препятствует летаргическому сну сознания. И вновь обретенное им бесстрашие есть следствие восстановления цельности сознания, которое как таковое всегда мужественно смотрит в лицо любому врагу – внешнему и внутреннему. Даже сам язык произведения – в некоторых местах корявый и ломанный, неуклюжий – симптоматичен как состояние души человека, который попал в многовековую переделку, ломку, под давление извне навязываемых механизмов, по сути, антинародной власти.

Использованная литература:

1. Дьякова Е. В Гусь-Хрустальном разбили мемориальную доску Солженицыну через сутки после установки. Театр Наций повторит спектакль для сбора средств [Электронный ресурс] // Новая газета. URL: <https://www.novayagazeta.ru/news/2018/12/13/147594-v-gus>

Когда-то на советском телевидении демонстрировался мультфильм «Дракон» (Союзмультфильм, 1961 г., реж. А. Снежко-Блоцкая, автор сценария Р. Кушников) по мотивам сказок Юго-Восточной Азии. Жил-был дракон, который угнетал своих подданных, жестоко притесняя их, облагая все более и более высокими поборами. Всякий раз вызвавшийся победить дракона герой исчезал в битве – и объявляли, что победа осталась за драконом. Один мальчик добивается победы с помощью волшебного меча, которым можно победить только *одного* дракона. Победив его, он узнает от него страшную тайну, что, оказываясь под властью добытого богатства и самой власти, победитель сам становится драконом, повергнуть которого сможет только другой человек с помощью волшебного меча. Мальчик чувствует, что превращение его в дракона началось, но, вовремя спохватившись, отказывается от богатства, раздает его простым людям, и тем самым уничтожает в себе власть внутреннего дракона. Увидеть в себе дракона (сущность каждого, кто находится в зависимости от власти, богатства, славы) и победить его – вот основной посыл этой сказки. Ради самосохранения людей и всего народа найти средства для победы над этим же внутренним драконом – основной посыл всего корпуса сочинений А. И. Солженицына.

Масштаб этого художника, «большое значение творчества А. И. Солженицына для отечественной культуры» признаны ныне на самом верху лестницы власти. Для достойного празднования столетия со дня рождения писателя был издан особый Указ Президента Российской Федерации (№ 474 от 28 июня 2014 г.) Такое отношение нынешних правителей, разумная и ответственная культурная политика государства позволяет надеяться, что многие поставленные писателем вопросы, вскрытые им проблемы общества получат со временем позитивное разрешение.

References:

1. D'yakova, E., V Gus'-Khrustal'nom razbili memorial'nuyu dosku Solzhenitsynu cherez sutki posle ustanovki. Teatr Natsiy povtorit spektakl' dlya sbora sredstv [The Memorial Plaque Solzhenitsyn Was Smashed in Gus-Crystal City a Day after Installation. Theatre of Nations Will

hrustalnom-razbili-memorialnuyu-dosku-solzhenitsynucherez-sutki-posle-ustanovki-teatr-natsiy-povtorit-spektakldlya-sbora-sredstv (дата обращения 14.12.2018).

2. Жизнь Солженицына. Документальный фильм: в 4 сериях. Режиссер А. Пищулин, сценарий Л. Парфенова, А. Пищулина, Ю. Прокофьева. Телекомпания НТВ, 1998.

3. Книга, обманувшая мир: сборник критических статей и материалов об «Архипелаге ГУЛАГ» А. И. Солженицына / Ред.-сост. В. В. Есипов. М.: Летний сад, 2018.

4. Радзишевский В. В. Комментарии // Солженицын А. И. Собрание сочинений в 30 т. Т. 18. М.: Время, 2016. С. 391–537.

5. Солженицын А. Два лагерных стихотворения // Вестник Русского Христианского Движения. Париж–Нью-Йорк–М.: YMCA Press, 1976, № 117. С. 148–157.

6. Солженицын А. И. Дороженька // Солженицын А. И. Собрание сочинений в 30 т. Т. 18. М.: Время, 2016. С. 7–208.

7. Солженицын А. И. Протеревши глаза. М.: Наш дом – L'Age d'Homme, 1999. С. 4–177.

Repeat the Play for Fundraising], in *Novaya gazeta*. <https://www.novayagazeta.ru/news/2018/12/13/147594-v-gus-hrustalnom-razbili-memorialnuyu-dosku-solzhenitsynucherez-sutki-posle-ustanovki-teatr-natsiy-povtorit-spektakldlya-sbora-sredstv>. Accessed December 14, 2018.

2. *Zhizn' Solzhenitsyna* [Solzhenitsyn's Life]: *Documentary in 4 series*, Pishchulin, A., Director, Parfenov, L., Pishchulin, A. and Prokof'ev, Yu., Scriptwriters, Telekompaniya NTV, 1998.

3. *Kniga, obmanuvshaya mir: sbornik kriticheskikh statey i materialov ob "Arhipelage GULAG" A. I. Solzhenitsyna* [The Book That Deceived the World: a Collection of Critical Articles and Materials about "The GULAG Archipelago" by Alexander Solzhenitsyn], Esipov, V. V., Ed., Moscow: Letniy sad, 2018.

4. Radzishhevskiy, V. V., Kommentarii [Comments], in *Solzhenitsyn, A. I., Sbranie sochineniy in 30 vols.*, vol. 18, Moscow: Vremya, 2016, pp. 391–537.

5. Solzhenitsyn, A., Dva lagernykh stikhotvoreniya [Two Prisons Camp Poems] // *Vestnik Russkogo Khristianskogo Dvizheniya*, 1976, no. 117, Paris–New-York–Moscow: YMCA Press, 1976, pp. 148–157.

6. Solzhenitsyn, A. I., Dorozhen'ka [The Trail], in in *Solzhenitsyn, A. I., Sbranie sochineniy in 30 vols.*, vol. 18, Moscow: Vremya, 2016, pp. 7–208.

7. Solzhenitsyn, A. I., *Protrevshi glaza* [Having Rubbed Eyes], Moscow: Nash dom – L'Age d'Homme, 1999, pp. 4–177.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Гуцалов, А. А. Вновь обретенное бесстрашие: уроки повести в стихах А. И. Солженицына «Дороженька» (1947–1953) [Электронный ресурс] / А. А. Гуцалов // *Наследие веков*. – 2018. – № 4. – С. 21–29. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2018/12/2018_4_Gutsalov.pdf. (дата обращения дд.мм.гг)

Full bibliographic reference to the article:

Gutsalov, A. A., *Vnov' obretennoe besstrashie: uroki povesti v stikhakh A. I. Solzhenitsyna "Dorozhen'ka" (1947–1953)* [Newfound Courage: Lessons of "The Trail" (1947–1953), the Novel in Verse by A. I. Solzhenitsyn], *Nasledie Vekov*, 2018, no. 4, pp. 21–29. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2018/12/2018_4_Gutsalov.pdf. Accessed Month DD, YYYY.